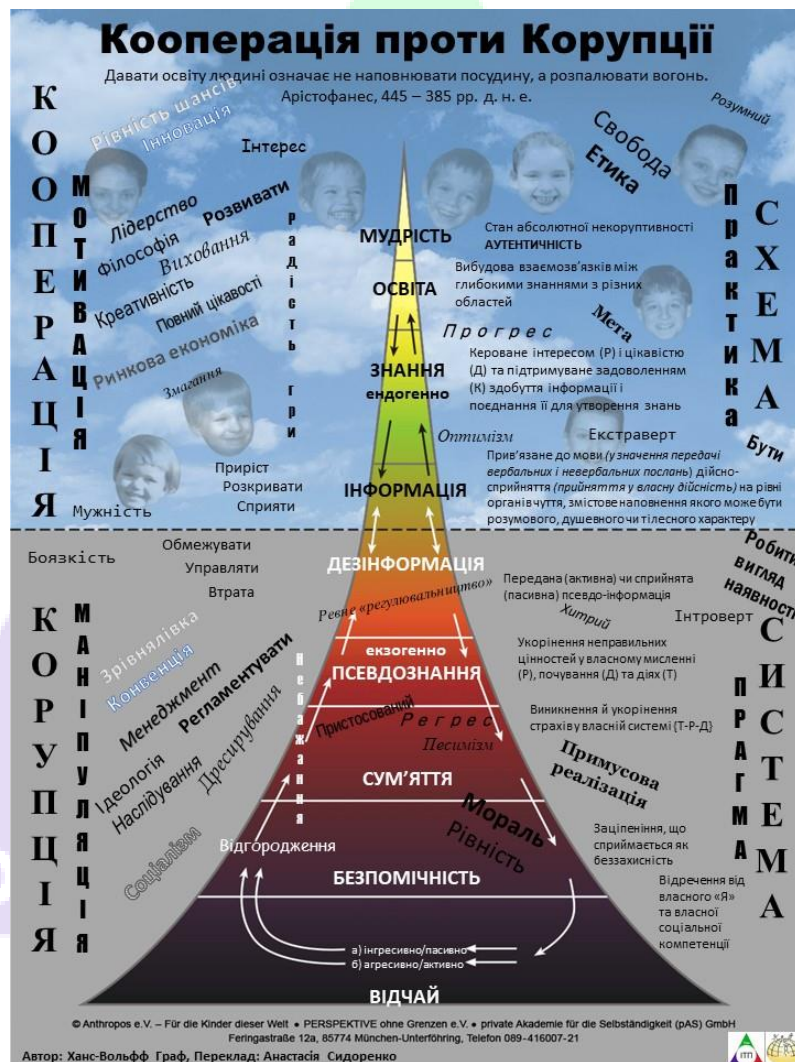

Отрывок из книги Ханса-Вольфа Графа «Коррупция – расшифровка универсального феномена»

Перевод с немецкого Марины Назаровой

Без сенсационных сообщений о *коррупции* или обнаружении новых фактов в уже известных *делах о коррупции* не проходит ни дня. Благодаря газетам, радио и телевидению мы ежедневно становимся свидетелями мелких и крупных случаев, которые удивляют и пугают, возмущают и обескураживают нас.

Ни одна область общественной жизни, ни одна фирма или отрасль, ни одна страна или сфера, похоже, не свободна от *коррупции*. Речь идет о миллионах и миллиардах, заказах и разрешениях, постах и званиях, власти и алчности.

Когда и в какой мере еще можно говорить о *подарках*? И где начинается *коррупция*? Когда и где *коррупция* становится *шантажом*? Что такое *получение выгод*? Когда оно еще «допустимо», а когда заслуживает наказания/наказуемо?

Чем отличаются друг от друга *коррупция*, *принуждение* и *шантаж*?

Почему такие понятия, как «*равенство шансов*», «*социализм*», «*демократия*», «*эмансипация*» и мн.др., являются политически *манипулируемыми* и крайне *корруптивными* семантическими искажениями, служащими только для сохранения/расширения власти тех, кто их использует?

Давайте предпримем попытку конструктивно и трезво рассмотреть понятие «*коррупция*», определить его *качественные* и *количественные* границы.

Давайте поищем *источники коррупции*, определим ее *причины* и *воздействие*. Как и на каких уровнях разыгрывается *коррупция*? Действительно ли *коррупция* происходит лишь в кабинетах чиновников и среди политиков, только в высших промышленных и экономических кругах?

Мы (может быть, с удивлением) обнаружим, что *коррупция* определяет нашу жизнь в гораздо большей степени, чем это вообще осознает рядовой гражданин.

И, возможно, мы осознаем еще кое-что: *коррупция* требует целенаправленных, *осознанных* действий, *рационального* поведения, на которое, действительно, способен только человек.

Коррупция использует множество средств и действует на физическом, интеллектуальном и психическом уровне. Но поскольку *сознательное* слияние физического, умственного и психического восприятия и действия также присуще лишь человеку, уже сейчас возникает подозрение, что источником любой *коррупции* и *коррумпируемости* является *сознание*, свойственное исключительно человеку.

Так что же, все мы *корruptны*?

- Если да, то, начиная с какой степени *корruptности* и *коррумпируемости*, следует говорить о *наказуемости*? Какая степень еще допустима?
- Если нет, то кто является не *корruptным* / не *коррумпируемым*? Как мы можем защитить себя от того и другого?

Чтобы приблизиться к пониманию этих вопросов и вообще найти ответы на них, мы, прежде всего, должны задуматься над следующим:

- Что такое *коррупция*?
- Как проявляется *коррупция*?
- Как возникает и как воздействует *коррупция*?

К сожалению, – скажу об этом сразу, – мы не найдем ответов на эти вопросы ни в литературе, ни в трудах великих мыслителей и философов. Не дадут нам ответов и тексты соответствующих законов и комментарии к ним.

Ну, что же, давайте постараемся немного приблизиться к этому запутанному феномену, который сопровождает человечество со времен возникновения сознания и который, похоже, приобретает все большие масштабы.

При этом я хочу воздержаться от высоконаучных экскурсов, сделав рассмотрение этой темы доступным для как можно большего числа людей.

Источник активной и пассивной *коррупции*¹ кроется исключительно в нас. И соответственно только *мы сами* можем положить конец *коррупции* и истребить ее, словно заразу.

Тот, кто полагает, что может переложить расправу с *коррупцией* на третьих лиц – законодательную, исполнительную и судебную власть, – грешит против себя, своих ближних и своего времени.

Что же такое «коррупция»?

Тот, кто занимается темой «*коррупция*», думает, прежде всего, – согласно определению из толкового словаря – о подкупе, обогащении за счет третьих лиц, нелегальных действиях, организованной преступности, незаконно заработанных деньгах и шантаже.

Отрицать феномен *коррупции* было бы бессмысленно, а желание сдерживать ее говорит либо о безграничной наивности, либо – обращение к политикам и законодателям – об оппортунистском шарлатанстве. Ведь *коррупция* – вовсе не феномен сегодняшнего дня. «*Коррупционеры*» сопровождали человека и его развитие, государства и мировые империи с момента их возникновения и до крушения.

Пожалуй, не в последнюю очередь именно поэтому в толковом словаре в качестве еще одного значения *коррупции* представлено словосочетание «моральное разложение».

Чтобы познакомиться с этим понятием ближе и разоблачить всю его *неестественность*, нам следовало бы сначала задаться вопросом: «*Можно ли наблюдать коррупцию как феномен во всей остальной природе?*».

Мы знаем, что животные и даже растения тоже владеют искусством обмана и *манипуляции*. Однако растения и животные делают это – с помощью формы и цвета, жестов и мимики, разнообразных способов поведения – исключительно для того, чтобы выжить (борьба за пропитание), обеспечить сохранение своего вида (борьба за продолжение рода) и защитить свое потомство. Ни у одного животного не возникнет идея – для этого ему недостает *сознания* – из корысти и без соответствующей необходимости обманывать другое животное, использовать его в своих целях, не принимая во внимание вред, который тем самым наносится как *коррумпируемому*, так и системе, в которой они оба живут (вид и род, стая или стадо). Таким образом, если *обман* и *манипуляцию* мы также находим в царстве растений и животных, то *коррупция* – поведение, свойственное исключительно

¹ *Активная коррупция* относится к *коррумпирующему* (то есть к тому, кто сам *коррумпирует*), *пассивная коррупция* описывает *коррумпируемого* (того, кто позволяет себя *коррумпировать*) (прим. автора).

человеку, поскольку для нее необходимо сознание, которое у животных отсутствует.

Во-вторых, стоит исследовать, на каких уровнях происходит *коррупция*. При этом в глаза бросается то, что *коррупция* вообще может грозить лишь тому, у кого есть что предложить, то есть тому, кого выгодно *коррумпируют*. При этом речь идет вовсе не только о материальной выгоде. Деньги – не причина *коррупции*, а скорее ее самое заметное *средство*, так сказать, *энергоноситель №1* для всех форм *коррупции*, но при этом вовсе не единственный.

В-третьих, напрашивается вопрос: «Насколько *коррумпируемым* является человек?». При этом мы с неудовольствием обнаружим, что мы *коррумпируемы* (и *коррумпируем* сами) на трех различных уровнях – *физическом, умственном и психическом* – причем в той мере, в какой мы не можем освободиться от ощущаемых дефицитов.

- а) Пример *телесной коррупции*: чтобы обеспечить себе физическую близость, «любовь» или «секс», мы приманиваем соответствующий сексуальный объект всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами. Если приманивающий использует при этом реально имеющиеся способности/навыки (если он, например, производит впечатление с помощью красоты, остроумия и ума, юмора и человеческой теплоты), то мы остаемся на естественном² уровне. Однако если мы используем для этого *подкуп*, применяя пригодные для этого вспомогательные средства (материальные блага, подарки, мощные автомобили и косметические «химикалии»), то мы уже давно находимся за пределами *естественной манипуляции*. Тогда мы давно перешли «Рубикон» к *коррупции*. Хотя некоторым читателям это может показаться голословным, при честном рассмотрении мы увидим, что это соответствует действительности. Подобные формами *физической коррупции* могут быть почести и ордена, титулы и предоставление особых прав (в прежние времена – княжеств и апанажа за «верную» военную службу). Итак, давайте объединим под *средствами физической коррупции* все то, что приносит нам материальные блага или помогает воплотить физические желания проще и быстрее, чем это было бы возможно «обычным путем».
- б) *Душевная коррупция*. Чтобы обеспечить себе любовь и внимание, доверие и верность того или иного человека, мы также используем целый арсенал *корруптивных* средств. Чтобы расположить к себе людей эмоционально, мы злоупотребляем риторикой, мимикой и жестами, нашими (часто лишь мнимыми) знаниями в той или иной области, титулами и громкими именами (в крайнем случае – названием той или иной крупной фирмы), рангами и постами. Как только мы начинаем применять в таких случаях не-аутентичные методы (совершая тем самым «преднамеренный обман»), мы снова оказываемся в плоскости *коррупции*. Эмоциональные «нападения» на людей (например, в форме разыгрывания из себя нуждающихся в защите и ищущих помощи) вовсе не ограничиваются сферой сексуальности. Эмоциональная зависимость детей от родителей и учителей, прихожан от своих священников/настоятелей,

² «Естественный» – здесь в значении «наблюдаемый и проживаемый также в природе» (прим. автора).

больных от ухаживающих за ними медсестер и врачей вскрывает огромную зависимость, в которой находится наша душа и из-за которой мы оказываемся так легко *коррумпируемыми*.

- в) *Интеллектуальная коррупция*. Объединив все рациональные элементы, с помощью которых мы обеспечиваем себе собственную выгоду (осознанно принимая во внимание ущерб, наносимый тем самым другому), благодаря которым, однако, *коррумпируемый*, в свою очередь, также может получить рациональные преимущества (поверхностные и мнимые, но также реальные), мы столкнемся с примерами, степень качества и количества *коррупции* которых («*корруптивная энергия*») часто обнаруживается только при повторном рассмотрении. При этом подкупающим оказывается, прежде всего, рациональное обращение к интеллекту (имеется ли таковой или нет) человека, которому угрожает/которого касается *коррупция*. *Коррумпирующий* распознает дефициты другого человека в рациональной области и (якобы) удовлетворяет их, чтобы тем самым сделать его послушным и готовым к *коррупции*. Так, руководитель филиала банка, позволяющий склонить себя к кредитованию, которое тешит его тщеславие (выражение страхов не справиться (область Разума) и комплексов неполноценности) и демонстрирует ему значимость подобных деловых связей для его дальнейшей карьеры, еще не имеет непосредственной материальной выгоды. Политики и люди, занимающие общественные посты, налоговые консультанты и адвокаты, а также ориентированные на карьеру сотрудники предприятий тоже склонны позволять *коррумпировать* себя интеллектуально, если за это им будет правдоподобно обещано увеличение рациональных преимуществ.

Если рассмотреть эту мысль критически и детально, список малых и больших возможностей *коррумпируемости* и *коррупции* оказывается прямо-таки бесконечным.

Вовсе не удивительно: интеллект никоим образом не защищает от *коррупции*. Наоборот, чем умнее человек, тем больше существует способов *коррумпировать* его, поскольку его горизонт, сила воображения и (чаще всего) профессия дают ему гораздо больше возможностей выступать в качестве «*жертвы коррупции*». Чем умнее *коррумпирующий*, тем выше может быть цена за его *коррупцию*. Если для того чтобы побудить колумбийского крестьянина к нелегальному выращиванию кокаина достаточно лишь нескольких пар обуви, а строительство школы (за «ничтожные» 15 000 евро) в маленькой деревне Таиланда уже превращает того или иного строителя в местного героя (за что вся сельская община позволяет себя *коррумпировать* и склонить к выращиванию героина), то сотруднику службы строительного надзора в Мюнхене нужно заплатить пятизначную сумму, чтобы только получить разрешение на незаконную пристройку эркера.

Итак, уже сейчас мы можем констатировать:

1. *Коррупция*

- не является феноменом нашего времени,
- не является вопросом возраста, пола или профессии,
- не связана с расовой, с этнической или религиозной принадлежностью,
- не ограничивается какой-либо определенной экономической системой.

2. Говоря о *коррупции*, нам следует рассматривать не только вертикальные уровни (*коррупция* на тех или иных ступенях различных иерархий в семье и окружении, в профессиональной и общественной жизни): *коррупция* также осуществляется в горизонтальной плоскости (в отношении *Тела*, *Разума* и *Души* каждого отдельного человека).
3. *Коррупция* вовсе не ограничивается *свободной экономикой*. Все чаще раскрываемые в последнее время случаи «взяточничества в ведомствах» – даже в полиции, государственных органах, в законодательной, исполнительной и судебной власти – вовсе не являются сенсационными исключениями. Позвольте мне высказать утверждение, которое при первом чтении, наверняка, покажется коварным:

Налоговая и экономическая система страны определяет качество и количество возможной в этой (государственной) системе коррупции и ее (степени) воздействия.

Позвольте мне пояснить это, возможно, шокирующее утверждение с помощью двух примеров. В стране, где низкие налоговые ставки делают бессмысленным сокрытие налогов, поскольку приобретенная посредством подкупа выгода гораздо меньше, чем предусматриваемый за это штраф, нет смысла *коррумпируют* граждан, помогая им формировать не облагаемую налогом ликвидность.

Чем сложнее законодательство в стране, тем менее готовы граждане тягаться с ним собственными силами. Наоборот, пропорционально этому они будут все больше стремиться освободиться от этого бремени и получить возможность хозяйствовать в другом месте дешевле или получать прибыль быстрее (и без проблем).

4. Даже рискуя потерять последнего читателя, предлагаю еще один тезис: ***Коррупция крайне нуждается в «легализации» в правовой, политической, финансовой, социальной и экономической системе – прежде всего, для того, чтобы обеспечить себе пути отступления!***

Под этим подразумевается следующее: для организованной преступности *защита данных* – бесспорно, самое лучшее, что только могло произойти. Тот, кто обладает соответствующими возможностями в данной сфере, в кратчайший срок получит доступ почти к любой *информации* о каждом гражданине. Одновременно он может быть уверен, что при наличии максимально строгого закона о защите информации получить информацию о нем самом – прежде всего, для правосудия – будет трудно. То же самое относится, например, и к немецкому федеральному *Положению о банкротстве*, *Положению о правовой защите кредиторов*, обширным частям *Жилищного права*, *Закону о времени работы торговых предприятий* и *Закону о нелегальных работниках*. С этим связана и абсолютная свобода в некоторых сферах экономики, заключающаяся в возможности работать в данных областях без наличия соответствующего образования, – например, на рынке финансов в Федеративной Республике

Германия (где «консультантом» может выступать каждый). Только в одной этой сфере ежегодный ущерб, возникающий из-за того, что *коррумпирующие* компании посредством *корруптных* предложений заставляют сотни тысяч легко *коррумпируемых* людей работать во вред третьим лицам, в Германии составляет около 50 миллиардов евро³. При этом пострадавшие, а также органы уголовного преследования чаще всего не могут разыскать растраченные деньги, аннулировать *корруптивные* договоры и тем самым положить конец *коррупции*. Этому также способствуют немецкая правовая система, защита информации, алчность политиков⁴ и – в крайнем случае – сроки исковой давности.

Вопреки широко распространенному мнению деньги хоть и являются основным и наиболее часто используемым средством осуществления *коррупции*, однако, вовсе не единственным.

В этой связи давайте займемся выяснением вопроса: «*Кто кого коррумпирует?*».

При этом давайте сразу исключим все формы взаимной *манипуляции*, связанные с первичными потребностями человека (по аналогии с животными: выживание отдельной особи/всего вида).

Мы обнаружим, что *коррупцию* можно наблюдать в сфере СМИ и в партиях, среди политиков и руководителей, в профсоюзах и крупной промышленности, на финансовом рынке и в банковском деле, среди родителей и воспитателей, между супругами и в семье. Как уже упоминалось, *коррупция* проходит красной нитью через налоговую и экономическую систему, системы образования, правосудия и социального обеспечения, по-разному проявляясь в каждой стране.

При этом для *коррумпирующих* речь часто идет не столько о деньгах (а порой даже вовсе не о них), сколько, например, о влиянии, власти и признании или о том, чтобы не подпускать близко к себе конкурентов, чтобы не быть вынужденными менять собственный образ действий, чтобы поддерживать и сохранять достигнутые позиции. Степень зависимости вовлеченных в *коррупцию* лиц/сторон определяет как применяемые средства, так и их качественное и количественное использование. Чем сознательнее и умнее действует при этом *коррумпирующий*, тем больше вероятность того, что он достигнет своей цели.

Однако здесь напрашивается следующий вывод: степень воздействия *коррупции* зависит от ума *коррумпирующего*, от находящихся в его распоряжении возможностей и средств, а также от его информационного преимущества по сравнению с *коррумпируемым*.

Так что же, *коррупция* – это вопрос образования, *знаний* или *информационного преимущества*?

³ Здесь и далее: данные на 1999 г. (прим. перев.)

⁴ В Германии около 100 (бывших) политиков занимают посты в наблюдательных советах и комиссиях банков, страховых обществ, строительных сберкасс, инвестиционных и консалтинговых компаний. Они очень хорошо знают, почему они препятствуют принятию соответствующего закона на этом рынке «финансовых консультантов», хотя полностью разработанный законопроект существует уже с 18.03.1989 г. (прим. автора).

В дальнейшем мы подробно рассмотрим все эти вопросы. Но позвольте мне прежде – так сказать, для пояснения следующих мыслей – задать такой вопрос:

Что есть противоположность коррупции?

С философской точки зрения и с позиции верности слову и смыслу ответ должен звучать так: *корреспективность*, т.е. *коллегиальность*, действующая в равной степени позитивно и полезно для всех участников и основанная на *мышлении* и *действии* всех вовлеченных в нее людей. Но поскольку понятие «*корреспективность*» является устаревшим и знакомо лишь немногим, давайте в качестве противоположности выберем другое понятие – «*кооперация*», то есть направленная на общую цель совместная работа разных участников, которые – совершенно в духе полезной для всех цели – берут на себя определенные задачи, соответствующие их способностям и навыкам.

Таким образом, если в случае *коррупции* на первом плане стоят индивидуальные цели, которые чаще всего мало соотносятся друг с другом (или вообще не соотносятся) и в целом характеризуются тем, что связаны с причинением ущерба третьим лицам, то в случае *кооперации* мы исходим из того, что соответствующие цели в равной степени важны и полезны для каждого участника и при этом не наносят вреда третьей стороне.

Если *манипуляция* нацелена на краткосрочную выгоду, непосредственно связана с определенными людьми и не предусматривает никаких *системных* изменений (если таковые, действительно, спровоцированы, то это не было намерением *манипуляции*), то *коррупция* имеет длительное воздействие, в большинстве случаев касается групп людей и всегда означает (прежде всего, в своих проявлениях) опасность и изменения для системы.

Коррупция в любви

Нет никакой необходимости цитировать сонмы разочарованных философов, поэтов и мыслителей, испытывавших трудности с определением понятия «любовь». Всем нам знакома дилемма, связанная с любовью: мы жаждем ее и при этом обращаемся с ней ужасно небрежно, чтобы затем оплакивать ее. Каждому читателю, пожалуй, хорошо известно, как часто «любовь» употребляется в качестве синонима для совершенно иных понятий: *жадность* и *собственническое мышление*, *доказательство собственной значимости* и *боязнь одиночества*, *прикрытие* для чувства собственной *неполноценности* и договоренность о *каталоге обоюдных обязательств*. Однако, по-видимому, лишь немногим ясно, какими *корруптивными* путями мы идем, какими *корруптивными* формами мы пользуемся, чтобы купить и обеспечить себе (якобы) «любовь».

Давайте рискнем подойти к этой теме поближе: первичное воспламенение обеспечивается, главным образом, *физическими* раздражителями, или, выражаясь банально, сексуальной привлекательностью. Мы реагируем на ощущения, воспринимаемые нами визуально, акустически и тактильно (*запах* и *вкус* являются чаще всего вторичными восприятиями). Эти ощущения вызывают в нас связанные с выработкой эндорфинов и дофамина состояния возбуждения, которые через нейрональные сети приводят к возникновению *желания*, *страсти* и *интереса*. Тем самым, словно с помощью катализатора, усиливается *физическая*, *эмоциональная* или *интеллектуальная* активность: мы стремимся заинтересовать и увлечь другого человека. Для этого нам (почти) все средства хороши. При наличии

соответствующего самосознания/уверенности в себе мы энергично беремся «за дело». Менее уверенные в себе люди заранее капитулируют и остаются в стадии «тихого» или «платонического» восхищения. При этом речь идет вовсе не о называемой «истинной любовью» идее, что *настоящая любовь* не нуждается в «контраргументе»: в данном случае отказ от *взаимной любви* представляет собой боль, – возникающую из страхов не справиться или страхов потери, – которая также ощущается и принимается как таковая.

Теперь мы изо всех сил стараемся пустить в ход все наши достоинства. Мы важничаем и «токуем», выдумываем чрезвычайно креативные доказательства нашей симпатии – за это должны расплачиваться невинные цветы, с этого живут ювелиры и парфюмерные магазины. Ни один человек не в состоянии удержать нас от использования *корруптивных* средств при *пробуждении любви*. При этом непредвзятый сторонний наблюдатель может очень быстро распознать, являются ли используемые «доказательства любви» *корруптивными* или *кооперативными* формами проявления внимания: если претендент(-ка) выставляет на передний план реально имеющиеся способности или предлагает объекту своего внимания помощь и поддержку, то это спокойно может рассматриваться как «кооперативное» ухаживание. Если же он/она путем обмана демонстрирует не существующие достоинства и при этом использует предлагаемые со всех сторон «вспомогательные средства» – мощные (взятые займы) автомобили, энергично действующее косметическое оружие, «заимствования» из медицины и моды, (и без того уже с превышением остатка) банковские счета – или обременяет предмет своей симпатии совершенно неуместными, порой даже неприятными знаками внимания, то речь здесь, бесспорно, идет о *коррупции* (собственного Я или соответствующего объекта влечения).

К сожалению, лишь немногие современники вообще понимают глубокую разницу между «любовью», «*собственническим мышлением*», «*вождедением*» и «*сексом*». Конечно, Синди Кроуфорд и Ричард Гир произведут на всех знакомых и родственников гораздо большее впечатление, чем кто-то из «обычных смертных». Ведь спустя некоторое время нам хочется представить успешно завоеванный «объект» ухаживаний нашему окружению и получить его одобрение и признание. Хотя *любовь* (обычно) зарождается между двумя людьми, проживать ее средне- и долгосрочно приходится в окружении обоих участвующих в ней партнеров. Таким образом, в отношении *любви* мы идем на двусторонний компромисс: оба решившихся на *любовь* партнера пытаются найти общую (конечно, *кооперативную*) плоскость, но, кроме того, каждый из обоих участников одновременно втягивает в эти отношения чрезвычайно различно структурированную толпу знакомых и друзей, родственников и коллег, внутри которой развивающаяся *любовь* должна теперь подтверждаться и проживаться.

С какой готовностью мы в молодости воспламеняемся на любовь, с какой самоотверженностью мы проходим ради нее долгий путь, порой даже идя на разрыв отношений со всем нашим прежним окружением, и с каким трудом все это дается нам с возрастом! Ведь чем больше мы, люди, развиваем свою идентичность, тем меньше мы оказываемся готовы к компромиссам – даже ради *любви*. Первоначальная открытость в *физическом* и *эмоциональном* отношении уступает с возрастом рациональному (*P*-ориентированному) рассмотрению жизни и ее множественных форм проявления и функционирования.

Но даже если приведенный обоими *любящими людьми* «придворный штат» примет и признает эту юную любовь (а завистники и оставленные «бывшие» постепенно смиряются с нею), проблемы тем самым еще вовсе не устранены. Ведь мы склонны рассматривать однажды завоеванную и «успешно» основанную любовь как «долго-(или даже вечно-)играющую пластинку» (в этой связи пробежите глазами главу о *дружбе*).

Мы вряд ли задумываемся над тем, что не только времена, но и мы постоянно подвержены изменениям и развитию, которые неизбежно накладывают отпечаток на нашу *любовь*, воздействуют на нее. С каждым изменением, с любого рода приростом *знаний* и *опыта* мы преобразовываем свои *ценностные понятия* и *взгляды, мнения* и *цели*. Тот, кто полагает, что *любовь* можно рассматривать как нечто окончательное, будет очень скоро (и при этом довольно резко) вырван из наивной детской мечты. *Любовь*, которая ежедневно не проживается, постоянно не обновляется и непрерывно не завоевывается, быстро покрывается патиной, становится привычкой и рутинной обыденностью. *Но любовь – это подарок на время*, и тот, кто неосторожно отставит ее – однажды приобретенную – как книгу в библиотеке, быстро ее потеряет.

Однако многие «любви наших мечтаний» довольно-таки скоро оказываются гигантскими «провалами» и продуктами искусной *манипуляции*, а порой даже явной *коррупции*. Чем выше чувство собственной значимости и степень свободы от страхов одного или обоих партнеров, тем честнее – *кооперативнее* – они будут обходиться друг с другом уже в начале любви. Чем больше лжи и обмана будет использоваться в качестве «средств ухаживания», тем быстрее сойдет глянец любви и обнаружится уродливая гримаса серой реальности.

Любовь проживается – в меняющихся проявлениях – во всем *Жизненном Треугольнике*, однако с сильно выраженными различиями: хотя обнимание ребенка тоже содержит в себе для каждого человека сильно выраженный физический момент, в его основе нет – исключая патологические случаи – момента *сексуальной чувственности*, хотя речь здесь, конечно, тоже идет о сексуальной аттракции (правда, на совершенно ином уровне). То же самое относится и к людям, которых нам нравится обнимать, потому что нам приятно, когда они рядом, потому что в их присутствии и близости у нас возникают позитивные ощущения, пробуждаются воспоминания, и мы испытываем теплое чувство человеческой симпатии – без потребности тут же с вождением лезть к ним в нижнее белье.

Таким образом, любовь может прекрасно обходиться и без *сексуального влечения* – и наоборот (как мы увидим в следующей главе). То, что мы часто – ошибочно – используем оба эти понятия как синонимы и привязываем их друг к другу, является признаком *речевой* и *социологической коррупции*. Если бы мы (наконец) научились объективно разделять оба понятия по содержанию и функциональности, это очень помогло бы нашему восприятию друг друга. Однако все чаще можно наблюдать, что не только дети и подростки, но и (физически) взрослые люди вообще не способны различать любовь и секс, сталкиваясь с ними.

Познание этого различия должно относиться к программе обучения подростка, чтобы впоследствии он был способен обращаться с ними заботливо и сообразно их сущности. Однако если «образцы» из мира взрослых не научились понимать и проживать эту разницу, то не стоит удивляться тому, что эта часть воспитания приводит к интеллектуально-эмоциональным деформациям у детей и подростков.

Эта форма *корруптивной педагогики* получает дополнительную подпитку из *коррупции* посредством *СМИ*, которые – чрезвычайно повышая тем самым свои рейтинги и тиражи – показывают *любовь*, пишут и говорят о ней, подразумевая и прививая, на самом деле, банальную и тривиальную *сексуальность*.

Любовь не является ни *обычным правом*, ни *имуществом*. Насколько мало мы, люди, еще способны сортировать содержание находящегося между нашими ушами 1500 граммов, становится понятно и благодаря тому факту, что благословленный светскими и церковными властями брак представляет собой своего рода сексуальную «вольную» для физически более сильного (как правило, мужчины), дающую право *обладать* другим.

Изнасилование жены до сих пор не карается законом почти во всех странах мира и, прежде всего, во всех религиях, а в большинстве стран «связь на стороне» считается доказательством *нарушения супружеской верности*. Даже в якобы просвещенных странах (Австрия) это считается наказуемым деянием и может повлечь за собой приговор *«развод произошёл по его/ее вине»*. В других странах это даже карается смертной казнью или, по крайней мере, правом *отвергнуть* «неверного» супруга. От описания порой варварских *коррупционных механизмов* брака во многих странах, не оставляющих за женщиной практически никаких прав по сравнению с ее супругом, я хотел бы здесь отказаться. Мы еще вернемся к этому в рамках разговора о *государственной и религиозной коррупции*.

Итак, мы видим, что существуют различные формы *любви*, которые, с одной стороны, могут стимулироваться *кооперативными* средствами, проживаться с пользой и радостью для всех сторон, и которые, с другой стороны, могут также обнаруживать и содержать специфические *признаки коррупции* – на *физическом, умственном и эмоциональном* уровне.

Любовь связана с добровольным отказом и доверием, *эмоциональным, умственным и физическим* вниманием, она требует внутренней и проявляемой вовне верности. Любовь может включать в себя разные формы сексуальности, однако сексуальность вовсе не является ведущим элементом любви. Она также не таит в себе ни претензий на обладание, ни прав, хотя мы, люди, приписываем ей эти элементы, совершенно не понимая взаимосвязей. Любовь не содержит в себе и никакого элемента унификации вовлеченных в нее партнеров. Она не требует ни исключительности, ни окончательности.

Самым *корруптивным* средством в любви является – большинство читателей здесь, возможно, испуганно вздрогнут – брак⁵. Чрезвычайно неестественным – всей остальной природе незнакомым – образом мы пытаемся с помощью него присвоить себе партнера *любви* как *собственность* – по обоюдному согласию (так называемые «вынужденные браки» согласно законодательству многих стран считаются недействительными) и при активном участии приведенных в брак обеими сторонами родственников и знакомых. Этот акт сопровождается светскими и церковными обрядами и мистическими формулами заклинаний, являющимися чем-то средним между *присягой* и *обещанием*. Невероятная pompa и пышность,

⁵ Злые языки утверждают, что немецкое слово «брак» - «Ehe» является сокращенной формой фразы «*errare humanum est*» (лат.: заблуждение человека (человеку свойственно ошибаться)), в русском языке нельзя не вспомнить выражение со схожим смыслом «Хорошее дело браком не назовут» (прим. автора и перев.).

горы подарков и роскошные оргии – этот день глубоко запечатлевается в памяти всех участников. При этом ближайших друзей в качестве *корруптивных* свидетелей обязывают стать соучастниками (позже при возможном разводе они часто неблагоприятным образом оказываются помехой или «забываются»).

В такого рода *суперкоррупцию* вкладываются целые состояния, ради нее опустошаются банковские счета и магазины подарков (по возможности с правом возврата товара), а на «*алтарь вечной любви*» кладется множество эмоций, лицемерия и недолговечных обещаний. При этом «девственно» белое платье, в которое искусно облачается невеста, – еще самая незначительная форма применяемых в таких случаях *коррупционных средств*.

Пожалуй, вряд ли можно описать этот момент бракосочетания с еще большей «злостью» или даже цинизмом, не правда ли?

Однако, попытавшись «объективно» подойти к этому «кульминационному пункту человеческого бытия», мы обнаружим, что мы вовсе не так уж далеки от истины. Ведь в данном случае наполовину взрослые люди, действительно, обещают нечто, что согласно общечеловеческому опыту является абсолютно невыполнимым и нереальным: они, так сказать, дают друг другу обещание развиваться отныне *параллельно и с равной скоростью* – и при том в течение десятилетий! Реалистически это было бы возможно лишь в том случае, если бы оба склеенных таким образом друг с другом человека сразу же отправились на необитаемый остров, предотвратив тем самым всякое дальнейшее интеллектуальное развитие, и в *физическом и эмоциональном* отношении ограничились исключительно друг другом. Взгляните-ка еще раз на круг Ваших друзей и знакомых или проанализируйте историю собственного брака. Позвольте себе при этом даже совершить «святотатство», рассмотрев с этой точки зрения – так сказать, «со стороны» – брак Ваших родителей. Вы обнаружите, что даже в тех немногих продолжительных браках, которые можно было бы назвать удачными и гармоничными, партнеры очень даже интенсивно развивали свою индивидуальность – в *умственном, душевном и физическом* отношении (и вовсе не параллельно и совместно!).

Однако то, как будет протекать это различное развитие, *насколько* будет различаться интеллектуальное и эмоциональное развитие участвующих в браке людей в последующие годы и десятилетия, в момент бракосочетания не может предвидеть ни один человек. Первостепенным *коррупционным элементом* является, однако, обещаемая в прямо-таки пророческом безрассудстве *телесная* верность.

Всяческие попытки найти доказательства существования моногамии в мире животных кончались плачевно. Выяснилось, что животные моногамны только при совершенно определенных условиях и в течение очень ограниченного времени: в кризисные и голодные времена, при резком сокращении вида/породы, в период ухода за выводком одного поколения (чаще всего лишь несколько месяцев) или в неволе. Так чего же тогда мы требуем от самих себя и партнера с помощью этого крайне бессмысленного обещания?

Хотя уже при благосклонном рассмотрении третьего лица противоположного пола мы нарушаем одну из «божественных» заповедей и, конечно, также супружескую клятву верности, это еще не воспринимается ни одним серьезным человеком как *грех* или вообще как *нарушение супружеской верности*. Еще отчетливее бессмысленность и прямо-таки безобразная неестественность этого

обета *телесной* верности проявляется тогда, когда перед нашими глазами проплывает мир сновидений, на который мы действительно практически не способны воздействовать. Не *нарушает* ли *супружескую верность* тот, кто видит во сне *существо*, возможно, недавно встреченное им или создаваемое по ночам его фантазией и креативностью?

Простите мне эту – признаю, кажущуюся несколько самодовольной – иронию. Однако в нашем поиске *корруптивных* фактов и параметров мы не должны останавливаться перед «убоем» рассматриваемых всеми в качестве «*священных коров*» ситуаций и моментов нашего человеческого бытия.

Насколько бессмысленными являются брачный обет и институциональная *коррупция* брака, доказывает не только постоянно увеличивающееся число разводов, но и тот факт, что большинство людей после вступления в брак обращаются со своим партнером более небрежно – уверенные относительно своей мнимой «собственности». Забота о партнере, взаимные ухаживания и характеризующиеся *готовностью к кооперации* дружеские услуги предотвращают обыденность и уныние, которые мы часто встречаем в брачных союзах.

С логической и психологической точки зрения вполне понятно, что партнеры, не состоящие в браке, ухаживают друг за другом, как правило, дольше, больше и интенсивнее, чем женатые/замужние. В то время как «продолжительность жизни» небрачных партнерств даже увеличивается, «продолжительность жизни» браков постоянно сокращается. Это совершенно противоречит другому размышлению: если в прошлые столетия при заключении брака (которое обычно происходило позже, чем сейчас) люди клялись быть вместе в среднем в течение 15-20 лет (поскольку средняя продолжительность жизни была существенно меньше, чем в наше время), то сегодняшние супруги (вероятно) действительно верят в то, что могут обручиться предположительно на 45-50 лет. Однако число отпразднованных «золотых, бриллиантовых и каменных» свадеб (то есть браков, длящихся более 50, 60 или 75 лет) «удивительно» мало.

Само собой разумеется, что статистических данных о том, сколько супругов только из-за лени и инертности, страхов потери, материальных соображений или чувства стыда перед своим окружением не оформляют на самом деле уже давно произошедшее разобщение, не существует.

Таким образом, вряд ли еще хоть в одной другой области мы имеем дело с такими многочисленными и массивными формами *коррупции*, как в браке – начинаемой с момента свадьбы и продолжаемой в повседневной супружеской жизни.

В качестве *корруптивных* партнеров при этом выступают: оба супруга, их свидетели, родители и родственники, круг друзей и гуляющий на свадьбе народ, церковь и государство, традиция и общественная мораль, реклама и целые полчища спешащих выразить поздравления торговцев. Все празднуют и поздравляют, сыплют подарками и пожеланиями счастья (чтобы затем, уже по дороге домой, обсуждать, *кто снова «вел себя неприлично»*, кто был одет со *вкусом/безвкусно*, насколько хорошим/плохим было угощение, какова была речь «небесного наземного персонала» и насколько лучше была последняя свадьба).

Если же бракосочетание используется для того, чтобы наконец-то узаконить «*непристойную связь*» или предупредить позорное состояние внебрачной

беременности, то в этом случае брак в буквальном смысле становится *суперкоррупцией*.

Нет, к любви нельзя принудить ни браком, ни любой другой формой *корруптивной охраны собственности*, она не может быть гарантирована на продолжительный срок. Любовь – это постоянно заново переживаемое состояние *душевной, умственной и физической* общности, о котором следует заботиться каждый день, с *кооперативным* вниманием и при старательном избегании *корруптивных* механизмов.

Любовь нельзя парцеллировать: она количественно и качественно бесконечна. Поэтому она не должна ограничиваться и фиксироваться на одном партнере, и ни один человек не должен требовать этого от другого.

Любовь входит в нашу жизнь в различных формах проявления и с разной мощностью: так, любовь к партнеру совершенно не сравнима в качественном отношении с любовью к нашим детям. Мы говорим о любви к людям и животным, у нас есть любимая музыка, блюда, напитки, авторы и художники, и даже вещам в нашей жизни мы дарим любовь, внимание и особую заботу. Лишь когда мы научимся освобождать любовь к людям от принуждений и *корруптивных* параметров, мы сможем *без стеснений* – в значении ничем не ограничиваемой свободы – дарить и принимать любовь.

Любовь – это подарок особого рода, который следует вкушать сознательно (*Разум*), с удовольствием (*Тело*) и радостью (*Душа/чувство*). Этим подарком следует наслаждаться, его следует дарить и совместно переживать, а не обременять собственными страхами, ограничивать и разрушать посредством обусловленных этими страхами *корруптивных* средств.

Коррупция в сексе

Если мы сведем секс до чисто *физического* элемента межличностного влечения, то отличить его от *любви* не составит никакого труда – даже если это покажется кому-нибудь слишком прозаичным, и какой-нибудь Дон Жуан решительно запротестует.

Давайте договоримся рассматривать сексуальность как *телесный* (физический) механизм и управляемое гормонами действие, которое протекает линейно – на оси *Т-Д* – и может совершенно не включать в себя интеллектуального элемента (*Р*). Секс – это точечная концентрация на *физическом* элементе, стремление к половому соитию, то есть обращение к нашим *телесным* инстинктам и влечениям. Эта концентрация не обязательно должна иметь *душевные* и уж тем более *умственные* компоненты – как бы охотно секс не приукрашивали ими.

Одновременно становится понятно, каким образом используются (могут использоваться) *кооперативные* или *корруптивные* элементы, чтобы наслаждаться сексуальностью радостно, без стеснений и страхов или использовать ее как средство для того, чтобы по-быстрому и исключительно *физически* «кончить». Если взглянуть на догматический характер запретов, налагаемых церковью на радостно проживаемую сексуальность, или фарисейскую мораль общества в отношении секса, с одной стороны, и невероятно большую значимость, которую имеет сексуальность и секс (как чисто *физический* функциональный акт) в

нашей повседневной жизни – в СМИ и повседневных разговорах, – с другой стороны, то неудивительно, что лишь очень немногие люди способны переживать сексуальность в свободе от страхов и *коррупции*, креативно и с наслаждением. Обремененные запретами и предрассудками, в то же время стилизующие секс как символ безграничного жизнелюбия и юношеской потенции, большинство людей постоянно колеблются между отвращением и сожалением и бахвалятся (например, в форме анекдотов) тем, что в реальной жизни им чаще всего мешают проживать стыдливость и сдерживающие механизмы. Именно это совершенно неестественное представление о сексуальности во все более пугающей степени *коррумпирует Тело, Разум и Душу* людей.

Так, например, в Голливуде многие фильмы снимаются в двух версиях: одна – подвергаемая строжайшей цензуре в отношении обнаженного тела – для американского рынка, другая – оппортунистски свободная – для Европы и Канады. Около десятка городов у американско-канадской границы живут за счет оживленного однодневного туризма, поскольку граждане США хотят посмотреть в Канаде версию «поострее», но, с одной стороны, не могут это сделать в США, а с другой, по возможности утаивают это от соседей. Представление европейцев о разнузданной и распутной жизни в Калифорнии – фарс для любого знатока реальности.

Из-за неспособности людей четко разграничивать *любовь (Т, Р, Д), сексуальность (Т, Д) и секс (Т)* возникает множество ошибочных метафор и представлений, затрудняющих или вообще делающих невозможным радостное и мирное, возвышающее и развивающее сосуществование. Эти многочисленные недоразумения приводят к мучительным ошибочным выводам, обременяют нашу жизнь, вносят замешательство в мир наших чувств, в наше мышление и действия.

То, насколько мало мы умеем обращаться с этими существенными составляющими нашей жизни, отражается практически во всех областях истории человечества: в искусстве и литературе, религии и праве. Мы отягощаем нашу повседневную жизнь – частную и трудовую. Это неправильное понимание нагружает наше мышление, чувство и действия, даже наше подсознание и сны, провоцирует чувство вины и зависимости, ограничивает нашу креативность и сужает горизонт наших переживаний. Мы блокируем нашу способность обмениваться мыслями и ласками, с радостью давать и брать.

Римско-католическая церковь как лицемерный «хранитель нравов» глубоко сожалеет, что масштабы сексуальных отклонений и «заблуждений» священников и епископов, архиепископов и кардиналов все больше становятся достоянием общественности. Сексуальная безрадостность Ватикана, особенно выраженная в энциклике «*humanae vitae*» (ее запланированный пересмотр папой *Иоанном Павлом I* стал, вероятно, одной из причин, почему этот папа-реформатор был убит 29.09.1978), резко противоречит истории римско-католической церкви, в ходе которой были и принадлежавшие Ватикану бордели, и легионы детей, зачатых светскими дамами (и даже монахинями) от священников. Дважды сыновья пап даже становились папами!

Двойная общественная мораль в государстве, в котором проститутки, с одной стороны, получают «запрет на профессию», а, с другой стороны, облагаются налогами и считаются отличным средством веселого времяпрепровождения после заседаний и конференций, гигантские обороты соответствующих магазинов и фирм

посылочной торговли, сутенеров и злачных мест отражает чрезвычайно *корруптивное* состояние нашего современного общества. Не следует удивляться тому, что информация о сексуальных отклонениях и извращениях, отвратительных случаях педерастии и изнасилований все чаще звучит в СМИ и залах суда. Все это – следствие *корруптивной* двуличности, с которой наше общество рассматривает тему «*сексуальность*».

Секс таит в себе дурманящий аромат сомнительной репутации, *эротика* считается синонимом *чувственности* и доказательством традиционного (и высоко ценимого в культурном аспекте) искусства любви. У мужчин выходящая из берегов сексуальная активность благосклонно величается *вирильностью*, а занимающихся подобными вещами женщин мы крайне презрительно именуем «распутницами» и «потаскухами».

Хотя Ветхий Завет просто кишит чувственным вожделием, насильственной или с любовью переживаемой сексуальностью, сегодняшней *Pontifex Maximus (Великий понтифик)* настаивает на своем – «непогрешимом»! – догматическом мнении: любое занятие сексом, непосредственно не служащее акту зачатия, является противоестественным, предосудительным и «*противоречащим заповеди Господней*». Много фантазии при акте любви клир и без того не допускает – кстати, отсюда происходит название «*миссионерская поза*». Вопрос, где проходит разделительная линия между разрешенной лаской и бодро практикуемой сексуальностью, папа так и оставляет открытым: даже проявляемое в самой естественной форме – в мире животных – сексуальное поведение также проходит через колосники церковной приемлемости.

Коррумпируемая таким образом креативность и подвергаемое наказанию, проклятию смертного греха и вечному осуждению поведение как раз и являются, по-видимому, причиной того, почему практикуется втайне и совершается с угрызениями совести то, что в действительности требует как раз радостно переживаемой сознательности. Люди избегают общности при переживании естественно воспринимаемых (но «наказуемых») видов сексуальности и вместо этого хранят тайну с единомышленниками, действительно нередко попадая при этом на ниву противоестественной сексуальности.

Ведь сегодня считается чуть ли не шиком быть немного «би» или, по меньшей мере, «голубым» или «лесбиянкой». Чествуемые как герои, протагонисты кино и сцены, искусства и литературы являются символами ценностей и смысловыми носителями ущербной, псевдогедонистской двойной морали. Тут устраиваются «войны сексуальных позиций», осуждаются – и тайно посещаются – встречи садомазохистов. Каждый негодует по поводу промискуитета, но втайне тоже надеется получить свой «кусочек».

Кого удивляет, что сотрясаемый страхами не справиться человек тоже хочет «поучаствовать» и получает тогда свою «долю» преступно-*корруптивным* способом – через изнасилование или с беззащитными детьми?

Именно из-за сбивающего с толку отношения к *сексуальности* и *сексу* в некоторых странах «под обстрел» общественного презрения и государственной юстиции попадают те, кто слишком открыто демонстрирует близким свою любовь на глазах общности. Так, во многих исламских странах объятие на людях, а тем более поцелуй считается наказуемым преступлением. Если речь при этом идет не об иностранце, а об уроженце данной местности, то ему грозит осязаемое наказание. Если же человек еще и состоит в браке (с другим человеком) или имеет серьезную связь, то это может даже закончиться избиением камнями и казнью.

Однако даже в «просвещенных» странах западного мира с недовольством – с завистью? – реагируют на то, что в действительности следовало бы рассматривать доброжелательно.

Этим извращенным отношением к сексу и сексуальности можно объяснить тот факт, что проступки и преступления на сексуальной почве обнаруживают недюжинный темп роста. В *душевно* и *умственно* плане часто крайне отсталые и запуганные люди (преимущественно мужчины) тайным или насильственным образом посягают на незащищенных людей – прежде всего, детей и женщин, – так как они никогда не учились проявлять свою сексуальность свободно и чисто.

Хотя потом суды и пытаются установить глубинные психологические причины подобных сексуальных отклонений, по сути, мы все в значительной степени виноваты в этой *коррупции*.

Я говорю здесь вовсе не о безудержной сексуальности и не о потакании всякой распущенности. Для меня важно разоблачить позицию двуликого Януса, с которой общество и каждый в отдельности обращается с понятием «*сексуальность*», чтобы благодаря снятию напряжения в обращении с этим понятием и его демистификации прийти к той степени честности, посредством которой сексуальность будет избавлена от своего *корруптивного* привкуса. Ведь если бы о сексуальности свободно и честно, то есть без *коррупции*, говорилось уже в родительском доме и в школе и если бы ее не приходилось переживать под покровом тайны, это стало бы, вероятно, наилучшей защитой для жертв *коррупцированной сексуальности*. Это также избавило бы от чувства вины всех «неправильно поляризованных» в сексуальном отношении людей. Так был бы открыт путь к *кооперативной* и потенциально действенной терапии – прежде, чем *корруптивный* элемент в таких людях с неправильной ориентацией насильственно пробьет себе дорогу. До тех пор, пока мы будем сохранять подобное *коррупцированное* отношение к сексу, *сексуальности* и *любви*, а общество и законодательство, педагогика и социология будут запрещать человеку проявлять свою естественность и вместо этого судорожно окружать людей шизофренической псевдоморалью (что как раз и принуждает к развитию отклонений вплоть до преступности), эти три прекраснейших параметра человеческой жизни будут оставаться обремененными славой несносной извращенности. Столь же долго скользкий *корруптивный* след вины и нечистой совести будет воздействовать на *Тело*, *Разум* и *Душу* людей – со всеми патологическими последствиями.

Сексуальность – это очень естественная потребность, биологический механизм, направленный как на продолжение рода, так и на получение наслаждения. Только человек оценивает и нормирует эту естественность до – чрезвычайно *корруптного* – извращения. Сексуальность находится на линии *Тело-Душа* нашего *Жизненного Треугольника* и не требует интеллектуального содержания. Именно мы, люди, обзываем сексуальность «*животной*» и обременяем ее чувством вины или превращаем в господствующий над всем центр того, что мы называем чувством (вплоть до любви).

Когда сексуальность и любовь встречаются, это действительно захватывающая дух радость, однако при этом они вовсе не *обуславливают* друг друга. Зачастую мы употребляем оба понятия как синонимы или считаем себя обязанными признаться сексуальному партнеру в любви – как «*следующая мера*». Секс без

любви считается *низким и малоценным, постыдным и греховным*. Какая чушь: какое отношение имеет пляска гормонов к осознанному состоянию «любовь»?

С другой стороны, именно во власти человеческого сознания лежит способность не следовать и не подчиняться спонтанно, как животное, каждому гормональному толчку, каждому влечению и желанию. Именно из-за таинственности и шизофренической двойной морали общественного мнения, которой с незапамятных времен клеймят и бичуют светские и духовные вожди (при этом сами данные господа не придерживались своей морали!), большинство людей переживают *сексуальность* как нечто почти недостойное человека и чуждое его сущности.

Одновременно вкус массы определяет *мерило* для количества и качества сексуальности. Реклама и СМИ внушают нам идеалы красоты и формируют эмоциональные пространства, в рамках которых нам следует переживать сексуальность и наслаждаться ею. Церковь, законодатели и общественная мораль определяют, что достойно человека и легально, что можно допускать и практиковать, а что должно считаться безнравственным, извращенным и развратным.

Человек беспомощно мечется туда-сюда, разрываясь между чувствами и желаниями, с одной стороны, и традицией и общественным мнением, с другой. Ни одна другая тема не обременена таким множеством табу и стыдливостью, секретностью и прочей *корруптивной* музыкой, как сексуальность. То, в каком чудовищном масштабе люди подчиняются этой доктринерской *коррупции*, манипулируют *Телом* и *Душой* и насилуют их, – поистине бесчеловечно и недостойно. Особые плоды приносит чрезмерно стыдливое отношение к сексуальности в высоко цивилизованных индустриальных странах – и впереди всех стоят США, где каждый хочет предстать в свете рампы общественности сексуальным и привлекательным, гигиенически чистым и физически совершенным и одновременно имеет совершенно *корруптированное* отношение к собственному телу и сексуальности. В журналах и фильмах, СМИ и книгах, на подиумах и сценах мы видим сексуальные образы наших мечтаний и протагонистов собственных желаний, при этом мы одновременно стыдимся наших мыслей и фантазий.

С отвращением (и в то же время как замороженные) мы следим за репортажами о сексуальных проступках наших кумиров, которым мы часто прощаем даже то, за что наших соседей мы бы страстно осудили.

Уже в ходе воспитания мы даем нашим детям с собой в путь совершенно неестественную стыдливость и застенчивость, доводящую до импотенции зажатость и абсолютно враждебное наслаждению отношение к собственному телу.

Большинство людей – лишены самостоятельности и душевно сломленные – покоряются этому диктату общественной морали. Но осторожно: такое накопленное раздражение неминуемо пробьется наружу в другом месте – либо в виде открытой агрессивности по отношению к окружению (в личной и профессиональной жизни), либо в виде столь же вредной секретности. В последнем случае визиты в бордели и соответствующие злачные места – пожалуй, еще самая безобидная и наименее вредная для окружающих форма проявления собственной сексуальной неудовлетворенности. Значительно опасней – и для общества тоже – являются дикая проституция (неконтролируемый очаг венерических заболеваний и СПИДа), проистекающий из беспомощности промискуитет, изнасилования и все сексуальные отклонения. Причина растущего

числа случаев изнасилования и педерастии, а также содомии кроется отнюдь не только в *корруптивном* воспитании в отчем доме, враждебном ко всему сексуальному, но в значительно большей степени – в общественной позиции церкви, государства и общества по отношению к теме «*сексуальность*». Осознанный, с радостью и желанием переживаемый момент сексуальности становится тайным и по возможности практикуемым в темноте бегством из нормальности буден. Чрезмерная дрожь сексуальной активности объясняется, прежде всего, каталогом запретов, который сопровождает эту тему.

Суды и педагоги знакомы с множеством случаев, когда дети и взрослые женщины становились жертвами сексуальных нападений, потому что в одежде и речи, поведении и внешности они словно выставляли себя напоказ как жертвы сексуального насильственного использования – в наивной попытке представить себя «шикарными» и желанными. Если у столкнувшегося с этим сексуально зажатого мужчины «сгорают предохранители», вопли пострадавших и ханжеские возгласы масс звучат особенно громко.

Если лишить тему «*сексуальность*» *корруптивной* почвы и рассматривать ее в семье и школе во всех ее вариациях и формах проявления, а также в чистой форме и без создания паники в общественной жизни и СМИ, то тем самым можно сломать *корруптивное* жало и одновременно обрести путь к полной удовольствий сексуальности, сводящей вместе тех людей, которые сексуально подходят друг другу.

Свободная – вовсе не безгранично безудержная – сексуальность очень быстро могла бы привести к сокращению масштабов агрессии и насилия, тайных проявлений, подавляемых инстинктов и извращенной чувственности; кроме того, их можно было бы – поскольку это переживалось бы в общественности – отслеживать (даже без становящегося все более расплывчатым законодательства).

Но одновременно это разрушило бы и чрезвычайно *корруптивный* потенциал всех религий, строящих свою власть большей частью на том, чтобы предавать анафеме самые естественные взаимосвязи и переживания, возлагать бремя вины и подвергать наказанию. Тот, кто пытается канализировать, нормировать и порционировать потребность человека в сексуальности и желании, жизнелюбии и любви (а именно это мы находим в Талмуде, Библии и Коране), виновен в самой широкомасштабной *коррупции* людей. Он лишает самостоятельности и денатурализирует, обезчеловечивает и налагает проклятие на самые исконные потребности, делая человека чуждым самому себе, – целенаправленно и осознанно.

Подробнее мы еще займемся этой темой в главе «*Коррупция и религия*».

Если до сих пор мы имели дело с индивидуальными формами *коррупции*, ограничивавшимися непосредственно отдельными личностями и их взаимодействием, то ниже речь пойдет об абстрактных формах. Хотя на обеих сторонах этих форм *коррупции* тоже задействованы люди, они имеют «*безличный*» и общий характер: *коррумпируемый* и *коррупционер* могут порой даже не знать друг друга лично, однако, несмотря на это, они все же вступают во взаимный *корруптивный* акт.